

ДЖОРДЖИЯ БРИГГС

И К О Н А

Джорджия Бриггс

Икона

Фонд «Традиция»

2019

Бриггс Д.

Икона / Д. Бриггс — Фонд «Традиция», 2019

ISBN 978-5-00152-061-0

Это захватывающая история о том, что может случиться с нами в ближайшем будущем. Наступила Эра Толерантности. Рождество заменили безликие Зимние праздники, провозглашён культ личной свободы. Христианство, не одобряющее свободу греха, признано главным врагом нового режима. Христиан безжалостно истребляют. Убита и семья двенадцатилетней Евфросиньи. Девочка спаслась благодаря чуду – икона святителя Николая сохранила её от гибели. Евфросиния – обыкновенная американская школьница, которой не чуждо всё, что интересно ее ровесникам во всём мире. Но, проходя через испытания, она оказывается перед взрослым выбором – вера или смерть. Какой выбор сделает Евфросинья?

ISBN 978-5-00152-061-0

© Бриггс Д., 2019
© Фонд «Традиция», 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джорджия Бриггс

Икона

*И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.
Бытие 1,27*

*Человек – икона Бога... Богочеловек – икона человека.
Преподобный Иустин Сербский*

Эта книга посвящается Лиле и Тейе

ICON: A NOVEL © COPYRIGHT 2019 BY GEORGIA BRIGGS

PEN-AND-INK DRAWINGS BY GEORGIA BRIGGS

ALL RIGHTS RESERVED.

**PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE ORIGINAL PUBLISHER,
ANCIENT FAITH PUBLISHING (FORMERLY KNOWN AS CONCILIAR PRESS).
A DIVISION OF ANCIENT FAITH MINISTRIES
P.O. BOX 748
CHESTERTON, IN 46304**

Перевод Софии Халберт

**www.vsbook.ru Москва, 2020
Chesterton, Indiana 2017**

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС P20-005-0197

© Georgia Briggs, 2020
© Фонд «Традиция», 2020

Глава первая

3 декабря 0000 года. Эра Толерантности

– Хиллари Мэфьюз, ты не могла бы ненадолго задержаться после занятий?

Я собирала вещи со стола, эти слова заставили меня застыть на месте. Все вокруг галдели, шумели, словом, готовились пойти на обед.

– Хиллари? – повторила мисс Линда.

Я кивнула и застегнула рюкзак. Одноклассники, расталкивая друг друга, помчались кто к шкафчикам, кто в туалет. Я плелась позади всех.

Мисс Линда кажется вполне дружелюбной, но почему-то меня пугает. Она слишком часто смотрит на меня. Думаю, она, скорее всего, знает.

Когда я подошла к учительскому столу, она взяла в руки какую-то бумажку. Фу-ух, отпустило, это всего лишь моя вчерашняя контрольная по испанским глаголам. Я что, получила плохую оценку? Странно. Обычно у меня всё очень даже хорошо с испанским.

– Хиллари, – она заговорила таким мягким, но очень противным голосом, которым взрослые любят говорить с детьми, – ты отлично справилась с заданием. Высший балл.

Но голос у неё какой-то странный. Это совсем не подходящий для «поздравляю-с-прекрасной-оценкой» голос. Я быстро просмотрела свою работу – ни одной ошибки, оценка «отлично», а потом взгляд остановился на моём собственном имени, написанном мной вверху страницы.

– Хиллари, ты можешь мне объяснить, почему ты так подписала свою работу? – прошептала мисс Линда.

Моим же собственным, прекрасным каллиграфическим почерком, чуть повыше испанских глаголов, было написано: Ефросинья Мэфьюз.

Запершило в горле. О чём я вообще думала? То, что это написала именно я, не вызывает сомнений: я всегда подрисовываю дополнительную загогулилку внизу буквы «ф».

Я почувствовала неприятную тяжесть в желудке, сердце забилося как бешеное.

– Простите. – Это всё, что я смогла выдать из себя.

– Не переживай, просто следи за тем, чтобы это впредь не повторялось. – Она взяла контрольную из моих трясущихся рук и положила к другим бумагам, постучала ими по своему столу, превратив их опять в идеально ровную стопку.

– Я больше не буду. – С этими словами я попятилась к двери.

Может быть, это всё, может быть, она забудет?..

– Хиллари, – произнесла она за секунду до того, как я была готова повернуть ручку двери, – ты живёшь с бабушкой и дедушкой, так?

Она всё знает.

– Да, мэм.

– Ричард и Глэдис?

– Да, мэм.

Она даже знает, как их зовут? Интересно, а другие учителя? Они все знают, где я живу? Я пытаюсь не паниковать, но моё дыхание предательски учащается.

Мисс Линда что-то записывает в свой блокнот.

– И они зовут тебя Хиллари?

– Да, мэм.

– Всегда?

– Да, мэм.

Я, кажется, повторяюсь. Я сама слышу, какой испуганный у меня голос.

– Ну, хорошо, хорошо. – Мисс Линда кладёт блокнот в свою коробочку со скрепками и взмахивает ладонью. – Всё-всё, иди обедать, приятного аппетита, до завтра.

Я открываю дверь и быстро выскальзываю. Она сказала: «До завтра»! Они все за мной следят. Они все всё знают.

Великая Суббота

Вечер, 18:54, и мы все в своих кроватях. Я, Кейт и моя двоюродная сестра Оливия лежим в белых праздничных платьях, так, чтобы мы могли выпрыгнуть из наших кроватей, быстро сесть в машину и поехать на службу. Все вентиляторы включены, жужжат монотонно, перекрывают шум автомобилей с улицы.

Я просыпаюсь от того, что Хёрши скулит под дверью спальни. Его слух гораздо острее моего, и я всё ещё не слышу, что что-то не в порядке. Думаю, может быть, ему пора гулять или нужно что-то ещё?

Кейт и Оливия всё ещё спят. Оливия скомкала и спихнула одеяло на моё место. Вздохнув, я встаю, шаркая ногами, следую за клацаньем когтей Хёрши в гостиную. Он бросается к входной двери, быстро дышит, будто ожидает кого-то.

Тёмные силуэты на фоне белых занавесок. Резко поворачивается ручка двери.

Я останавливаюсь.

Я слышу, как скрипят и ломаются ударом снаружи доски двери. Комната родителей в противоположном конце дома.

Я бегу по коридору, мимо моей комнаты, спотыкаюсь о ступеньки в темноте. Быстро поднимаюсь, не обращая внимания на боль в коленке.

– Папа! Кто-то ломится к нам, я боюсь!

Мама трёт глаза спросонья, отец выскакивает из постели, на бегу хватая бейсбольную битку из гардеробной.

Крики.

Сапоги.

Звон стекла.

– Быстро под кровать!

– Кейт и Оливия...

– Быстро под кровать! Держи!

Какой-то твёрдый квадратный предмет оказывается у меня в руке. Пыль от ковра. Семейный альбом. Потерявшийся носок.

– Алекс!

Выстрел.

Опять звон стекла.

– Пожалуйста, нет... Помилуйте... Господи, помилуй! Богородице...

– Только не их, пожалуйста, не...

Выстрелы.

Вой собаки.

Сапоги.

Тишина.

4 декабря 0000 года. Эра Толерантности

Моя комната в доме бабушки и дедушки очень чистая. И белая. В ней совсем немного игрушек. Раньше их было много, раньше, когда я была маленькой. Когда я только приехала сюда, скучала по ним, но покупать новые игрушки мне совсем не хотелось. Что бы я с ними делала? Сидела бы на полу одна и смотрела на них?

В общем, я чувствую себя неплохо. Хотя и бывает грустновато вечерами, когда хочется обнять мою старую мягкую обезьянку, пока я засыпаю. Я привыкла засыпать лёжа на животе, смотреть на неё, прижимать к себе. В первую ночь я попробовала полежать на животе, но без тёплой обезьянки в руках никак не получалось улечься поудобнее. Так что теперь я сплю на боку, свернувшись калачиком.

В моей комнате – кровать с голубым одеялом и письменный стол из тёмного дерева. Шторы, которые я люблю открывать и закрывать, когда мне скучно. И часы на стене.

Часы. Через неделю после моего приезда я попросила бабушку купить мне часы. Мы съездили в «Уолмарт» за покупками. Я выбрала самые простые: в чёрной рамке, цифры на белом фоне и красная секундная стрелка.

– Тебе не нравятся электронные часы? – удивилась бабушка.

– Нет, мне нравятся эти, – сказала я, схватив коробку с полки. Посмотрела на цену: не очень дорого.

– Точно? В этих часах даже нет встроенного будильника.

– Мне нравятся эти.

Дедушка забил гвоздь в стене, прямо над моей кроватью, и повесил часы. Ночами я лежу тут, свернувшись калачиком, и слушаю громкое тиканье часов. И я не думаю о тишине, по крайней мере, не так много... Кейт посапывает во сне.

Пасха

Я всё ещё лежу под кроватью. Так долго, что описалась, совершенно испортив белое платье. Но я по-прежнему не вылезая из-под кровати. Я сжимаю тот деревянный предмет, который мама сунула мне в руку. Я даже не знаю, что это такое, но я сжимаю это так крепко, что больно пальцам.

Папин телефон начинает жужжать. Он, скорее всего, упал с тумбочки, потому что я вижу, как он светится на полу, в нескольких шагах от меня. Буквы складываются в имя «Марк».

Мистер Лиакос. Папин друг и чтец в нашем храме.

Я отпускаю деревянный квадрат, подтягиваю телефон под кровать, поближе. Он всё ещё звонит. Я провожу пальцем по экрану. Шепчу: «Алло».

– Алекс? – пробивается ко мне голос мистера Лиакоса, такой маленький и словно укутанный в мягкий шарф.

Я чувствую, как по моим щекам бегут слёзы.

– Алекс, алло!

Заставляю себя произнести хоть что-то.

– Это Ефросинья.

– Малышка, я могу поговорить с папой?

Слёзы начинают катиться неудержимо. Я уже просто реву в телефон.

– Ефросинья, малыш, а папа рядом? У вас всё в порядке?

– Я боюсь выйти, – плачу, – я боюсь! Я не хочу вылезать отсюда. Я думаю, что я только одна...

– К вам приходили? Деточка, расскажи, что там у вас случилось?

– Были мужчины с ружьями, и мама сказала, чтобы я спряталась под кровать, а папа пошёл, и я слышала выстрелы, и я думаю, что только я... я...

– Так, оставайся на месте. Я скоро буду.

– Хорошо, – проскулила я.

Экран вспыхнул ещё раз, прежде чем телефон отключился. И я опять осталась в темноте. Я просто лежу и стараюсь ни о чём не думать.

Внезапно я чувствую движение в доме. Кто-то идёт по коридору прямо к спальне. Вижу голубой свет на полу, он перескакивает через какие-то тюки, свёрнутое одеяло, игрушки Хёрши.

– Ефросинья, – до меня доходит голос мистера Лиакоса. Щелчок, и комнату заливают свет. Жёлтое свечение кажется болезненным. Снаружи по-прежнему темно.

Появляются блестящие чёрные туфли мистера Лиакоса. Церковные туфли. Он опускается на колени, чтобы найти меня под кроватью. Я всё ещё боюсь пошевелиться.

– Где ты, малыш?.. Ты как, в порядке?

Я киваю.

– Ты можешь вылезти оттуда? Здесь опасно оставаться, нам нужно уезжать.

Я начинаю выползать из-под кровати, как червячок. Я вся в пыли, платье на мне холодное и мокрое.

Мистер Лиакос подаёт мне руку, помогает встать. Смотрит на предмет, который я всё ещё сжимаю в руке.

– Вот за это сейчас ты только и можешь держаться, – шепчет он. Берёт зелёное одеяло с родительской кровати и закутывает меня в него. Потом приседает передо мной и заглядывает мне прямо в глаза.

– Всё очень плохо, – тихо говорит он, – если хочешь, я понесу тебя на ручках, а ты можешь закрыть глаза, пока мы не выйдем отсюда.

Я трясусь головой. Я вся мокрая. И мне совсем не нравится, когда кто-то чужой, кто-то кроме папы или мамы прикасается ко мне или обнимает.

– Хорошо, – говорит он. – Иди за мной и постарайся не сводить глаз с моей спины.

Весь дом в темноте, и я вижу только мутные силуэты предметов, которые выхватывает голубой лучик телефона мистера Лиакоса. Я должна его слушаться и смотреть только перед собой. Но я не слушаюсь. И кое-что я бы всё равно увидела.

Мама лежит, свернувшись, у дверей спальни.

Две маленькие девочки, каждая в своей кроватке – тихие и неподвижные.

Разбитая шкатулка на полу, два венчальных венца разорваны, растоптаны.

Разбитые иконы.

Папа и Хёрши в гостиной, папа лежит лицом вниз, Хёрши – прижавшись к нему, нос в крови.

Я выхожу из дома за мистером Лиакосом в ночь. Вернее, в тот самый момент, когда слабое, розовое свечение появляется на востоке. Это же Пасхальное утро.

Христос Воскресе.

5 декабря 0000 года. Эра Толерантности

Послеобеденное время в библиотеке – моё любимое. Бабушка забирает меня из школы, и мы идём в библиотеку им. Нолан Мэйхью, в центре города. Она читает новую главу «Страсти в прериях» – истории любви, а я брожу вокруг и рассматриваю книги. Мне нравятся здешние библиотекари. Они всегда помогут, если ты попросишь их об этом, но они не обращают на тебя никакого внимания, если ты просто ходишь сам по себе. По крайней мере, до тех пор, пока ты не начнёшь перетаскивать мягкие кресла-мешки из детской секции в секцию для юношества.

Одна из библиотекарей мне особенно нравится. Её зовут Мими. Я знаю её давно. Раньше на её бейджике было написано «Мэри», это было довольно распространённое имя, но оно должно было исчезнуть одним из первых. И я даже не знаю, выдали ли ей такое имя или она выбрала его сама, по созвучию с её старым.

Вообще, я думаю, что эта смена имён оказалась гораздо большей проблемой, чем ожидали.

Когда они стали перебирать имена, оказалось, что имён из Библии или имён святых гораздо больше, чем думали изначально. И не так много вариантов для замены, уж точно меньше, чем надеялись. В конце концов люди стали использовать фамилии вместо имён, называть детей именами растений, знаменитых людей или географических мест. В моём классе есть ещё одна Хиллари, есть Бостон, Орхидея, три Картера и один мальчик по имени Ширан.

В любом случае Мими тоже хорошо ко мне относится. Она помогает мне с выбором интересной книги, хотя я уже перечитала почти все книжки с красивыми обложками в детской секции.

Именно она познакомила меня с книгами по истории и нон-фикшен. Раньше меня не интересовали такие книжки, потому что в них не было интересного сюжета. Но сейчас мне необходимо самой узнавать некоторые вещи, о них не спросить у взрослых и не найти в интернете, потому что мой школьный компьютер под контролем. Конечно, поиск информации в книгах занимает гораздо больше времени, но я могу это делать осторожно, точно зная, что никто за мной не подглядывает. И я уже здорово научилась разбираться в индексах книг на полках.

Иногда я думаю о Мими. Мэри было просто очень распространённое имя, так что в общем ничего особенного в нём и не было. А ещё у неё нет никаких татуировок.

Я слежу за ней, прикрывшись книжкой «Даритель», пока она расставляет книги на полках. Она тихонько напевает что-то, слегка пританцовывает, и её широкая красная юбка покачивается из стороны в сторону. Она поправляет правой рукой свою чёлку, и я вижу блеск золота на её безымянном пальце.

Я переворачиваю страницу и усаживаюсь поудобнее в мягком кресле-мешке. Я очень хочу не спускать глаз с Мими.

Пасха

Мы с мистером Лиакосом очень долго едем в его зелёном грузовичке. Я кутаюсь в одеяло. В общем-то не холодно, но ощущение мягкой, тёплой ткани, обнимающей меня, очень приятно. Впервые за последние несколько часов я чувствую себя в безопасности и могу наконец поплакать. Именно это я и делаю. Я сворачиваюсь маленьким клубочком, прислоняюсь к двери. На панели – икона Богородицы, она покачивается вместе с нами, когда мы переезжаем железнодорожные пути. Неоновые цифры на часах говорят, что уже 4:55.

Мистер Лиакос очень добр и позволяет мне просто плакать и не говорит, что всё будет хорошо. Всё, что он делает, – это просто слегка сжимает мне плечо.

Мы едем просёлочными дорогами, они выются среди полей с некошеной травой и тощими ёлками. Спустя какое-то время мистер Лиакос сказал:

– Если честно, я не знаю, куда еду.

– А разве нам не нужно в полицию? – говорю я сквозь слёзы. Мой голос неожиданно кажется тоненьким и совсем детским.

Мистер Лиакос качает головой.

– Это может быть опасно.

Опасно? Опасно обращаться в полицию? Что же происходит? Мне становится ещё страшнее. И я сжимаю деревянный квадрат ещё сильнее.

– Ефросинья, – говорит мистер Лиакос, – ты видела тех людей, которые ворвались в ваш дом?

Я отрицательно качаю головой.

– Я только слышала их.

– Сегодня ночью было нападение почти на все семьи нашего прихода. Поэтому я звонил твоему папе, хотел убедиться в том, что вы в порядке. Ведь вы живёте далеко от города, дальше всех, я надеялся, что успею вас предупредить, и вы сможете уехать, скрыться.

– Но почему мы не можем пойти в полицию? – спрашиваю я. И я даже не сразу понимаю, что он говорит: почти все люди, которых я знаю, мертвы.

– Полиция подожгла церковь.

– Что?!

Я даже не могу себе представить, что кто-то может поджечь наш храм Иоанна Богослова. Ведь когдаходишь в храм, с его белыми стенами, с его сводчатыми потолками, – ощущаешь покой и красоту, густой запах ладана. И святые смотрят на тебя с икон. Все эти иконы... Неужели они сгорели? Я в ужасе. Два места в мире, о которых я думала, что они не изменятся никогда, – дом и храм – больше не существуют.

Мистер Лиакос шмыгает носом, и я вижу, что его глаза блестят от слёз. Церковь – это его мир. Он вместе с семьёй бывает на каждой службе.

– А ваша семья как, в порядке? – спрашиваю я.

Он просто трясёт головой. Он очень внимательно смотрит на дорогу, и я не уверена, что он сам верит в то, что произошло.

– Дэниел в Австрии, в университетской поездке, – спустя какое-то время говорит он. Его голос еле слышен. – Он, должно быть, в порядке. Я пока не связывался с ним. И я даже не знаю, что сказать, когда позвоню.

Я представляю себе Дэниела далеко, в чужой стране, как он узнаёт, что его мамы больше нет, и теперь он – единственный ребёнок.

И я теперь единственный ребёнок. Сирота. Чувствую, как сжимается горло и глаза опять наполняются слезами. Какие последние слова я сказала Кейт и Оливии? Я даже не помню.

– Прекратите свинячить в ванной, мне нужно почистить зубы!

Я просто ужасный человек. Прячу лицо в ладони.

Мы всё едем и едем, и я засыпаю в слезах. Когда я просыпаюсь, во рту у меня какой-то очень гадкий привкус, и шея затекла от того, что во сне я опиралась на деревянную панель грузовичка. За окном светло, утро, 7:22. Наша машина останавливается. А, так вот почему я проснулась. Поднимаю голову и неуверенно оглядываюсь. Мы на парковке возле Макдоналдса.

– Нам нужно поесть и сходить в туалет, – говорит мистер Лиакос. – Голодная?

– Да, – отвечаю. И мне и вправду срочно нужно в туалет. Я разворачиваю одеяло, отстёгиваю ремень безопасности. Я выгляжу просто ужасно. Моё белое платье всё мятое, в пятнах, волосы растрёпаны, я босиком.

И тут я впервые замечаю, что мистер Лиакос тоже выглядит совсем неважно. На нём стихарь поверх подрясника, но с разорванной горловиной и какие-то тёмные пятна на боку. Глаза у него красные, с тёмными кругами вокруг. Он пахнет ладаном и костром одновременно.

Мы некоторое время смотрим друг на друга, и мистер Лиакос говорит:

– Думаю, они вызовут полицию, если увидят нас в таком виде.

– Наверное, – соглашаюсь я.

– Где-то под твоим сиденьем должна быть расчёска – причешись, а я сниму стихарь.

Что он и делает, правда, удаётся это ему с трудом в таком маленьком пространстве. Аккуратно сворачивает стихарь и подрясник, кладёт их в бардачок. Он остаётся в белой футболке и штанах цвета хаки. Вполне нормально, за исключением красных пятен сбоку, на футболке. Я начинаю подозревать, что и те пятна, на стихаре, были пятнами крови. Я нахожу расчёску, привожу волосы в порядок. Но всё ещё чувствую себя ужасно.

– Завернись в одеяло, как будто ты только что проснулась, может быть, никто не обратит внимания, – говорит мистер Лиакос.

– Хорошо, но у вас кровь на футболке.

– Постараюсь прикрыть её рукой.

Мы выходим из машины. Мои ноги слабые, дрожат из-за того, что так долго были согнуты. Со стороны кажется, будто бы мы куда-то путешествовали и решили позавтракать в Макдоналдсе.

Розовый восход пробивается сквозь облака, я сонная и голодная, вот только я с мистером Лиакосом, а не с родителями и Кейт. Только всё неправильно. Всё не так, как должно быть.

В Макдоналдсе почти никого. Из других посетителей только мужчина в заляпанном краской комбинезоне и пожилая пара, которая завтракает блинчиками в уютном закутке. Девушка за кассой даже не смотрит в нашу сторону, когда мы входим. У неё тройной пирсинг в ухе, и она явно тайком строчит эсэмэски прямо за прилавком.

– Так, давай сначала по туалетам, – шепчет мистер Лиакос. – Надо бы умыться и хорошенько помыть руки.

Я киваю и думаю: «Как было бы здорово сейчас почистить зубы, избавиться от этого противного привкуса во рту».

Женский туалет грязноват и пахнет мылом для рук. Я быстренько пользуюсь возможностью сходить в туалет, вешаю одеяло на дверь, чтобы оно не попало в какие-то подозрительные лужицы на коричневой плитке. Я и сама стараюсь не наступить в них босыми ногами. Напоследок я запикиваю туалетную бумагу в эти противные трусы. Это не очень-то помогает. Я невольно морщусь, когда трусы опять прилипают к моему телу.

Я мою руки и вдруг замираю, увидев собственное отражение в зеркале. Может быть, виноват желтовато-зелёный свет в туалете? Но моя кожа почему-то совершенно неправильного цвета. Очень серая. Глаза припухшие и очень грустные. Брызгаю в лицо тёплой водой и смотрю, нет ли бумажных полотенец. Нет. Только никому не нужные сушилки для рук.

У мистера Лиакоса тоже с лица катятся капельки воды, когда он наконец-то выходит из мужского туалета. Хотя в общем-то он выглядит посвежевшим.

– Ну, давай возьмём что-нибудь поесть, – говорит он.

Мы подходим к кассе, смотрим меню.

– Чем я могу вам помочь? – спрашивает девушка за кассой, по-прежнему не отрывая глаз от телефона.

– Одну минуточку, – говорит мистер Лиакос.

Я пытаюсь выбрать между овсяной кашей и хашбрауном, когда вдруг вспоминаю, что вообще-то могу есть всё, что захочу. Пост закончился.

– Ты помнишь, мы можем есть мясо, – тихонько шепчет мистер Лиакос, видимо, ему тоже только что пришла в голову та же мысль, – но лучше выбрать что-то, что удобно будет есть в машине.

Папа с мамой собирались отвезти нас в наше любимое кафе «Крекер Бэррел» после окончания поста. И там я собиралась заказать яичницу с ветчиной и вафли. Опять хочется разреветься, хотя это, конечно, очень глупо: плакать из-за вафель, когда почти все, кого ты знаешь, погибли. Кассирша начинает с подозрением рассматривать нашу грязную одежду и уставшие лица, и я сжимаю кулаки, ногти впиваются мне в ладонку, только так я могу сосредоточиться на меню и не заплакать.

– Ты уже решила, что хочешь? – спрашивает мистер Лиакос. Он тоже замечает, что девушка пристально нас разглядывает, и начинает неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

– Макмаффин с яйцом и апельсиновый сок, – быстро говорю я.

– И ещё добавьте два МакМаффина со свиной котлетой и большую диетическую кока-колу.

Девушка пробивает наш заказ.

– Приложите карточку, – говорит она, прикасаясь к кассовому экрану длинным золотым ногтём.

Мистер Лиакос проводит карточкой и уходит, чтобы налить себе напиток. Я стою, пью апельсиновый сок, который только что получила. Но он совсем не помогает избавиться от этого отвратительного вкуса во рту.

Еда готовится недолго, но ожидание под пристальным взглядом кассира заставляет меня нервничать. Я испытываю большое облегчение, когда мистер Лиакос передаёт мне тёплый бумажный пакет, и мы возвращаемся к машине.

Мистер Лиакос ест прямо во время движения, придерживая руль коленкой. Я держу свой сэндвич в руках некоторое время, прежде чем откусить от него, наслаждаюсь его теплом. Мясо очень вкусное. Мои руки все жирные, когда я наконец его доедаю. Вытираю руки салфеткой, потом достаю деревянный квадрат из-под сиденья.

– Вы уже знаете, куда мы едем? – спрашиваю мистера Лиакоса.

– У меня появилась одна идея, – говорит он. – Хочу проверить, как там отец Иннокентий. Он в последнее время сильно болел и редко бывал в храме. Если он жив и в порядке, может быть, он знает, что происходит и куда нам лучше отправиться.

– Хорошо, – говорю я и стараюсь припомнить, как выглядит отец Иннокентий. Я помню, что родители как-то говорили о нём, но я совершенно не могу его вспомнить.

– Нам ехать около часа, – говорит мистер Лиакос, – у него трейлер в лесу, он предполагал, что за ним следят.

«А, вот о чём ты думал всё это время», – мелькает у меня мысль.

От мяса желудок приятно тяжелеет, и я опять начинаю засыпать. Заворачиваюсь в одеяло, обнимаю руками мой квадрат и закрываю глаза.

Уснуть как следует не получается – дорога слишком ухабистая. Но я, видимо, всё-таки заснула, потому что когда грузовичок внезапно останавливается, цифры на панели показывают 8:41. Мистер Лиакос что-то быстро говорит. Что он говорит? Я совершенно дезориентирована, и мой желудок уже явно не рад съеденному МакМаффину.

– Ефросинья. Ефросинья, оставайся на месте, не шевелись. Я пойду спрошу, что там происходит. А ты не выходи из машины, по крайней мере, пока не поймёшь, что это безопасно. Хорошо? Держись за икону и повторяй: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя». Просто повторяй.

– Что? Что происходит?

– Просто повторяй эту молитву, – говорит он, открывая дверь машины.

Он отстёгивает ремень безопасности и выходит, улыбаясь очень уверенно, точно так же, как он это делает, когда встречает новых людей в церкви.

– Добрый день, – я слышу его мягкий голос, – дорога перекрыта?

– Ваше водительское удостоверение, пожалуйста, – я слышу ещё один голос.

– Да, да, секундочку, сейчас.

– Это что, у вас кровь на одежде?

– Да нет, просто кетчуп. Пришлось заехать в Макдоналдс, и этот пакетик практически взорвался у меня в руках.

Слышу ещё один, более низкий голос, с подозрением говорящий: «А что это у него на шее?»

– Покажите нам вашу цепочку, – говорит первый голос.

В ответ – тишина. Я сижу очень тихо, но моё сердце бьётся очень громко, мои руки сжимают мой собственный нательный крестик.

– Он из этих, – говорит более низкий голос, – пристрели его.

Я ещё не успеваю понять, что происходит, звук выстрела заставляет меня вздрогнуть.

– Проверь его карманы и телефон, – говорит первый голос, – потом проверь машину. Может быть, у него есть телефоны, адреса.

Я медленно поднимаю голову. Прямо посреди дороги, перегораживая её, стоит джип. Двое мужчин склонились над телом, лежащим на земле.

Я тяну за ручку, тихонечко открываю дверь. Она немного стукнула. Мужчины не повернулись. Они нашли кошелёк и смотрят, что там, выбрасывая карточки и чеки прямо на дорогу. Я выскальзываю на землю и прикрываю дверь. Бегу к лесу, прижимая к себе икону.

6 декабря 0000. Эра Толерантности

– Хиллари, ты всё ещё спишь?

Я лежу, отвернувшись к стене и поджав ноги. Сейчас 7:15. Мне нужно быть в школе в 7:55.

– Я же говорила, лучше бы мы купили те электронные часы с будильником. Поторопись, иначе опоздаешь, – слышу бабушкин голос.

– Я себя что-то плохо чувствую, – говорю я, – можно я не пойду в школу?

– Так. – Она подходит и щупает мой лоб. Её руки мягкие и пахнут кондиционером для белья, которым она всё время пользуется. Она совсем не плохая. Просто она не мама.

– Температуры нет, – говорит она, – а что тебя беспокоит? Живот болит?

– Я просто плохо себя чувствую, – повторяю я.

– Ты можешь пропустить занятия, только если серьёзно больна. Я думаю, всё будет хорошо.

Она пару раз гладит меня по плечу.

– Быстренько вставай, одевайся, а я подогрею колбаски и тосты, которые купил дедушка.

Мне совсем не хочется есть колбаски. Я думаю: «Сейчас декабрь». Но я киваю головой, мне не хочется её обижать.

И я встаю с кровати, чтобы её не расстраивать. Натягиваю джинсы и свитер. Я знаю, она очень старается. Откуда ей знать, что я чувствую? Я натягиваю пушистые носки, те, которые надеваю, когда мне грустно.

– Хиллари! – Бабушка кричит из соседней комнаты.

– Да?

– Почему твоя обувь у входной двери? Ты же знаешь правила: мы убираем вещи на место.

– Простите, я забыла.

Но я вру. Мои кроссовки – ровно на том месте, где я оставила их вчера вечером, они выглядят там очень одинокими, и кажется, им самим себя жалко.

Я вытряхиваю их, прежде чем надеваю, так, на всякий случай. Святитель Николай ничего в них не оставил. Теперь я злюсь на саму себя. Дурочка. Конечно, в них ничего нет. Я ем свою дурацкую колбасу с тостами и заставляю себя почувствовать удовольствие.

7 декабря 0000. Эра Толерантности

По четвергам я хожу к доктору Сниду. После школы бабушка отвозит меня на своей машине, мы сидим в холле и ждём, пока доктор подойдёт к нам и отведёт меня в свой кабинет. Мне не нравится этот холл. Там всегда слишком тепло, а тёмно-коричневые стены вызывают у меня приступы клаустрофобии. Растения на столах из орехового дерева искусственные, наверное, потому, что здесь нет окон и будь они живые – завяли бы и просто умерли. Стулья на первый взгляд кажутся удобными, но они заставляют тебя сидеть слишком ровно, а подлокотники – слишком высокие. Одним словом, это один из таких холлов, который должен быть удобным и выглядеть домашним, но на самом деле создаёт ощущение, что ты задыхаешься.

– Хиллари?

Я отрываю глаза от «Дарителя». Доктор Сид стоит прямо напротив меня, держит подмышкой файл с историей моей болезни.

– Я подожду тебя здесь, дорогая, – говорит бабушка.

Я медленно иду за доктором в самый конец коридора. По сторонам его много дверей в разные кабинеты, некоторые плотно закрыты и рядом с ними, снаружи, включён «белый шум». Кабинет доктора Снида – второй с конца.

– Садись, – говорит он, включая «белый шум» и закрывая за собой дверь.

Я сажусь на кожаный диван, сжимаю свою книжку. Я вообще люблю везде ходить с книжкой – есть чем занять руки.

Доктор Снид садится на свой крутящийся стул, забрасывает ногу за ногу и открывает мой файл.

– Ну, как дела сегодня? – спрашивает он.

– Хорошо, – отвечаю, впрочем, я всегда так отвечаю. Он кивает головой, переворачивает страницы.

– Да, вижу, у тебя выдалась отличная неделя в школе.

– Ну, да.

Я думаю: «Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как доктор Снид сам был в седьмом классе?» Я даже не могу себе представить, что он носит какую-то другую одежду, кроме брюк в тонкую полосочку, жилетку и кроссовки. То есть то, во что он одет каждый раз. Над ним бы здорово посмеялись в нашей школе.

Он останавливается и поднимает к глазам один листок бумаги. Смешно вытягивает подбородок, чтобы прочитать, что же там написано.

Я сильнее сжимаю книжку.

– Вижу, что мисс Линда кое-что написала на твоём тесте по испанскому, – наконец произносит он. Он кладёт этот листок на стол и продолжает просматривать остальные. – Ты часто пишешь не то имя?

– Нет, – говорю я.

Доктор Снид хмыкает. Он достаёт ещё несколько листочков из файла и выкладывает их рядом с моим тестом.

– Подойди сюда и посмотри сама, – говорит он.

Я встаю с дивана и подхожу к столу посмотреть. Это всё разные мои работы: математика, словарный диктант по английскому и первая страница из теста по чтению. Они все подписаны «Хиллари». Даже не представляю себе, что там такого.

– Мне хотелось бы, чтобы ты обратила внимание на свой почерк вот здесь, – говорит мистер Снид, поправляя очки на носу. – Ты знаешь, мы многое можем сказать о человеке, глядя на его почерк.

Я ничего не отвечаю, просто смотрю на эти бумажки. Всё в них аккуратно, нет никаких ошибок.

– Сравни, как ты ошибочно подписала тест по испанскому и как подписаны другие бумаги. – Он тычет толстым пальцем в имя «Ефросинья» с моим фирменным, красивым росчерком на букве «ф», а потом указывает на «Хиллари», – тут – большие, квадратные печатные буквы. Видишь разницу?

Я киваю, но не понимаю, что из этого всего может следовать.

– Меня это очень беспокоит, Хиллари, – говорит он, сгребая бумаги и засовывая их обратно в файл.

Он некоторое время смотрит на меня не мигая.

– Меня очень беспокоит, что ты всё ещё ощущаешь дискомфорт с той девочкой, которую зовут Хиллари. Ты всё ещё не чувствуешь себя полноправной хозяйкой этого имени.

Я опускаю глаза, смотрю на книгу.

– Да нет, я в порядке, всё нормально.

– Я думаю, что тебе необходимо попрактиковаться писать своё имя, выработать свой собственный почерк. Почувствуй себя комфортно тем, кто ты есть на самом деле. Я дам тебе

небольшое задание на дом. Ты должна поработать над тем, как ты пишешь своё имя, придумай и отработай собственную подпись.

– Хорошо, – говорю я и сажусь обратно на диван.

Он глубоко вздыхает и кладёт файл на стол.

– Это часто случается с людьми, пришедшими из оккультизма или деструктивных сект, им сложно найти свой собственный голос, свою индивидуальность. Но ты сильная девочка. Я думаю, что со временем ты сможешь перерасти то, что тебе пришлось пережить, и ты сможешь построить новую жизнь.

– Тебя это расстраивает? – продолжает он. – Я заметил, ты начинаешь заламывать пальцы, когда тебя что-то беспокоит.

– Всё в порядке, – повторяю я.

– Хиллари, это совершенно нормально – испытывать сложности в такой ситуации, особенно в твоём возрасте. Я уверен, ты очень любила свою семью.

Я только киваю головой.

– И то, что случилось с ними, это, конечно, трагедия. Но мы можем извлечь из этого урок: узкое мышление и осуждение других вызывает в людях агрессию. Мы должны подняться выше чёрно-белого восприятия действительности. Мы должны научиться принимать всех людей такими, какие они есть.

Я смотрю на портрет старика на обложке моей книги. Эти люди жили в чёрно-белом мире. Но разве это было не из-за того, что они избавились от таких вещей, как любовь, и разве не злоба привела к насилию? Мне кажется, что доктор Снид говорит что-то совсем не то, говорит что-то совершенно противоположное.

– Это очень сложно понять в твоём возрасте, я знаю, – продолжает он, – но подумай о том, как далеко ты уже продвинулась. Когда ты пришла сюда в первый раз – ты отказывалась от мяса по средам и пятницам! Ты понимаешь теперь, какая это свобода – возможность выбора любой пищи? И вся жизнь такова. Если ты позволишь другим людям устанавливать внешние рамки в отношении себя, ты упустишь возможность попробовать много прекрасных вещей в жизни. Самое главное – прими других и саму себя такими, какие мы все, и ты в том числе, есть на самом деле, и это принесёт тебе счастье.

«Но я совершенно несчастна», – думаю я.

– Просто подумай об этом, – продолжает доктор Снид, – принятие себя как Хиллари вовсе не означает предательства по отношению к твоей семье и памяти о ней. Ты можешь любить их и скучать без них, но ты должна сформировать собственный взгляд на жизнь, на то, что для тебя означает стать хорошим человеком.

Мы сидим в тишине. Мне не хочется с ним разговаривать. И мне не хочется приходить сюда.

– Ты подумаешь об этом?

– Я не знаю, – отвечаю я.

– Ну, хорошо, это, конечно, твоё дело. Но я считаю, что это будет очень полезно для тебя.

Пасха

На деревьях ещё нет листвы, и я боюсь, что мужчины увидят меня до того, как я смогу убежать достаточно далеко. Бежать босиком очень больно. Мне так страшно, что я бегу не оглядываясь. Когда они откроют машину, сразу увидят два стаканчика из Макдоналдса. А ещё моё одеяло на пассажирском сиденье. Они сразу всё поймут. В любую минуту они могут побежать за мной и убить.

Мистер Лиакос мёртв.

Мистер Лиакос мёртв.

Я взбираюсь на холм, сбегаю по противоположной стороне, поскользываясь на прошлогодних листьях. Мне нужно найти место, где я могу спрятаться. Слышу, как стучит моё сердце, и боюсь опять описаться.

Слышу выстрелы позади. Я останавливаюсь на минуту, смотрю вокруг – куда же можно спрятаться, хоть что-то, что может меня прикрыть. Ничего. Только деревья. И даже нет ни одного толстого дерева, за которым я могу укрыться. Я слышу, как кто-то идёт в моём направлении, с шумом, грубо ломая кусты.

Мне очень страшно. Мне просто хочется, чтобы всё скорее закончилось. Только пусть это будет не больно. Только пусть это будет не больно. *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя. Господи, Иисусе Христе, помилуй мя. Разбуди меня, пожалуйста, пусть это будет просто ночной кошмар, останови это, пожалуйста, останови это...*

– Вот она!

Я быстро поворачиваюсь, держу икону перед собой.

Слышу ещё один выстрел, на этот раз такой громкий, что, кажется, он совершенно оглушает меня. Что-то сильно ударяет меня в грудь так, что я падаю навзничь. Во всём мире – полная тишина, кроме какого-то странного высокого звона. Я лежу в грязи на старых прошлогодних листьях не шевелясь. Наверное, я умерла.

Проходит много времени, прежде чем я могу пошевелиться. Звон понемногу затихает, и я слышу, как ветер шевелит листья, слышу чириканье пролетевшей мимо птички. Моя грудь болит так, будто кто-то сильно меня ударил. Я лежу с закрытыми глазами и надеюсь услышать мамин голос. Может быть, она рядом?

Но нет никакого голоса. Какой-то муравей или комар или кто-то ещё кусает меня за щиколотку. Наконец я открываю глаза.

Я всё ещё в лесу. Позднее утреннее солнце нежно светит сквозь ветви. Куда делся тот мужчина? Я сажусь, у меня кружится голова, я оглядываюсь вокруг.

Лес пуст. Никого нет. Что случилось? Меня застрелили? Я прикасаюсь к груди. Очень больно, но там нет крови. И вообще, на мне нет ни капли крови. Только мои ладони почему-то поцарапаны, точно так же, как в школе на уроке физкультуры после перетягивания каната.

Моя щиколотка чешется. Я начинаю сильно её тереть. Не могу понять, что же произошло.

Я бежала. Потом остановилась. Я слышала, как кто-то шёл за мной, но спрятаться было невозможно. Он что-то крикнул, я повернулась, держа икону перед собой... так... а где икона?

Я встаю и осматриваю землю вокруг. А, вот она, в паре метров от меня, лежит ликом кверху, около упавшей сосны. Я иду, чтобы взять её, и вдруг останавливаюсь.

Это же икона святителя Николая, это мамин святой покровитель, эта икона всегда стояла на её столике, у кровати. Святитель в полном спокойствии, на золотом фоне, в одной руке у него – Библия, другая поднята для благословения. Его лицо не изменилось – всё такое же серьёзное и тихое, хотя я вижу, что его грудь прострелена, прямо посередине, между двух голубых крестов на его шарфе.

Я поднимаю икону, мои руки дрожат. Она кажется маленькой и лёгкой в моих руках. Я поворачиваю её. Она всего сантиметра два шириной, но пуля не пробила икону насквозь. С обратной стороны она выглядит совершенно целой. Николь Мэфьюз – написано чёрным фломастером в левом углу. Я опять переворачиваю икону.

Значит, я держала её прямо перед собой, когда тот человек выстрелил. Должно быть, она остановила пулю, но сила отдачи пришлась на мои руки, поэтому я упала. Наверное, тот подумал, что я умерла?

Я опять сажусь на землю и смотрю на икону. Святитель Николай очень спокоен. Но то, что пуля у него в груди, очень беспокоит меня. Я хочу достать её ногтями, пытаюсь раскатать её, чтобы вынуть. Сажусь на камень у корней деревьев, это придаёт мне большую устойчивость.

Пуля очень плотно вошла в дерево, но через несколько минут у меня что-то начинает получаться.

Тонкая струйка крови вытекает из груди святителя.

9 декабря 0000. Эра Толерантности

– Ну, как? Тебе понравилось? – спрашивает Мими с улыбкой.

– Да, было очень интересно, но грустно, – говорю я, возвращая «Дарителя».

Она держит книжку и медленно проводит пальцем по портрету старика. Это одна из причин, почему я читаю книги, которые даёт мне она. Я знаю, Мими любит каждую из них.

– Да, она немного грустная, – говорит она, перекладывая книгу в специальную тележку, – мне хотелось бы, чтобы книжка не заканчивалась так быстро, чтобы мы были уверены, что у Джона и Гейба всё сложилось хорошо.

– Да, и мне, – говорю я, – я так и не поняла – это ему приснилось или он действительно спрятался в безопасном месте. Почему бы автору не написать об этом просто и понятно?

– Наверное, она думала, так будет более правдоподобно, – говорит Мими, – жизнь полна таких моментов, когда кажется, ты висишь над пропастью. И далеко не всё в жизни устраивается просто и красиво.

– Вот именно поэтому я считаю, что книжка должна заканчиваться хорошо, – говорю я, – в жизни и так слишком много грусти.

Мими смеётся.

– И чем старше ты становишься, тем она грустнее... Какое утешение.

Мими ставит локти на стол и опускает свой подбородок в ладони. Колечко блестит на её правой руке.

– У меня есть для тебя ещё одна книжка, конечно, если ты хочешь. Она грустная сначала, но у неё счастливый конец. Это одна из моих любимых.

– Конечно, хочу. – Она каждый раз говорит, что вот эта и есть её любимая книжка.

– А о чём она?

– Она о девочке, у которой случилось несчастье, девочка грустит. Она учится в девятом классе, и она очень одинока, и ей самой приходится разбираться, как пережить прошлое. На первый взгляд это выглядит депрессивно, но на самом деле там очень много смешных моментов. Там отлично описана школа.

Мими встаёт и провожает меня обратно в отдел юношеской литературы.

Я думаю о школе, где мисс Линда следит за мной и другие дети со мной не разговаривают. Да, звучит очень знакомо.

– Андерсен... Андерсен... – Мими бормочет себе под нос. Она просматривает корешки книг, ищет нужное название.

– Я думаю, что у меня тоже иногда бывает депрессия, – говорю я. Даже не знаю, зачем я это говорю. Я, в общем-то, не очень хорошо знакома с ней.

Мими не сразу отвечает. Потом она говорит:

– У меня тоже...

Она вынимает книгу и передаёт её мне. На обложке – лицо девочки, немного прикрыто ветвями ивы.

– Вот она. Книга называется «Не молчи». Но ты должна будешь рассказать мне, что ты о ней думаешь. Особенно о деревьях Мелинды.

– О чём?

– Ты сама всё увидишь.

Я смотрю на обложку, а Мими смотрит вокруг, как будто ей совсем не хочется возвращаться назад, за её стол. Она, сама не замечая того, крутит кольцо на пальце.

– Мими?

– Да?

– Почему ты носишь обручальное колечко на правой руке?

Она перестаёт теребить кольцо и внимательно смотрит на меня. Я знаю этот взгляд: взрослые смотрят на тебя так, когда решают – стоит ли тебе говорить что-нибудь или нет.

– Потому, что это та рука, которой раньше давали обеты, – говорит она и так же внимательно смотрит на меня.

– Раньше я тоже знала... таких людей... которые тоже поступали так... – шепчу я.

Мими кивает головой. Она оглядывается: рядом с нами никого нет.

– Знаешь, что, – говорит она, – почитай «Не молчи», а потом мы поговорим о деревьях.

10 декабря 0000. Эра Толерантности

Воскресное утро – значит, включён телевизор. Новые серии всех сериалов и шоу в воскресной программе. Бабушка и дедушка смотрят новую серию «Спасённый Сантой» – в общем, это о Санта-Клаусе, который приходит к разным родителям, которые осуждают всё на свете, он учит их, как принимать собственных детей, несмотря ни на что.

Папа с мамой, скорее всего, не разрешили бы мне это смотреть. Подростки часто совершают поступки, из-за которых потом стыдно, и смотреть на это вместе с бабушкой и дедушкой как-то не очень, к тому же Санта-Клаус – это такая старушка. Думаю, мои родители бы сильно рассердились на это. Но я устала сидеть одна в своей комнате, к тому же за окном – дождь, так что я сижу на дедушкином кожаном стуле и вывожу в блокноте «Хиллари» снова и снова. Может быть, если я буду это делать хорошо, доктор Снид перестанет задавать мне свои вопросы?

Я стараюсь написать это имя по-разному – слитно, потом большими круглыми буквами, как любят писать у нас девочки в классе, даже подрисовываю сердечко. В конце концов я начинаю раздражаться и опять писать большими квадратными буквами.

Это не моё имя. Я так много раз его писала, что все эти буквы потеряли всякий смысл. Я вырываю исписанные странички из блокнота, мну их и выбрасываю.

Этот шум заставляет дедушку поднять на меня глаза.

– У тебя там всё в порядке, Хилли-Билли? – спрашивает он своим скрипучим голосом. – Опять проблемы с математикой?

– Я не знаю, – ворчу я.

А про себя думаю: «И я не Хилли-Билли».

– Пойду наверх, немного почитаю.

– Вот правильно, отдохни, – говорит дедушка, снова поворачиваясь к телевизору.

Я поднимаюсь и иду наверх именно в тот момент, когда Санта-Клаус снимает свою фальшивую бороду и начинает красить губы.

Глава вторая

Антипасха

– Мистер и миссис Мэфьюз?

– Да, мисс, это мы, – говорит дедушка.

– Вы заполнили все бумаги?

– Да, все, но только мы не знаем, что написать в графе «имя»...

– Давайте, я посмотрю. Её статус? Ах, да. М-м-м... У меня есть вариант – Хиллари Джейн.

– Только напишите, пожалуйста, разборчиво, чтобы мы могли легко прочитать.

Дедушка пишет перьевой ручкой, которая у него всегда с собой, затем передаёт всю стопку бумаг женщине за столом.

– Спасибо. Она уже здесь, но у нас просьба: не уходите сразу. Я думаю, что доктор Сид хотел бы переговорить с вами. Он будет её постоянным психологом.

– Она в порядке? – слышу я бабушкин шёпот.

– О, я уверена, с ней всё будет хорошо, – говорит дама, – доктор Сид вас проинформирует.

Я сижу в соседней комнате на синем виниловом диване, завёрнутая в одеяло, и внимательно рассматриваю свои ноги. Они по-прежнему босые и грязные. На мне какая-то странная одежда – огромная футболка и мальчишечьи баскетбольные шорты, а вот туфли для меня они не смогли найти. Все чувства кажутся онемевшими, я не могу перестать думать о том, как бы мне хотелось надеть туфли. А ещё – принять душ.

Бабушка и дедушка входят. Бабушка крепко обнимает меня.

– Деточка моя, ты в порядке? – спрашивает она.

Я киваю. На самом деле я не очень-то хорошо с ними знакома. Они вообще никогда не разговаривали с мамой и папой. С чего вдруг они такие добренькие?

– Эта дама сказала, что теперь тебя будут звать Хиллари, – говорит дедушка, садясь рядом со мной на диван, – здорово будет наконец иметь такое имя, которое люди смогут слышать и записать с первого раза? – подмигивает он.

– Ричард... – ворчит бабушка.

– А что? Я просто сказал...

Бабушка явно чувствует себя неудобно.

– Может быть, нам нужно...

В этот момент входит какой-то мужчина и плотно прикрывает за собой дверь. Он, кажется, постарше папы. Может быть, ему около пятидесяти? На нём костюм в узкую полосочку и кроссовки. Только волосы его выглядят как-то странно. В них совсем нет седины. И они сильно прилизаны гелем.

– Мистер и миссис Мэфьюз? – говорит он, пожимая им руки.

– Хиллари, приятно с тобой познакомиться, – говорит он уже мне. – Я – доктор Сид.

«Почему все эти люди называют меня чужим именем, почему я – босиком?»

Доктор садится на стул прямо напротив нас, забрасывает одну ногу на другую.

– Не хочу вас задерживать, я вижу, Хиллари очень устала, и ей пора ехать домой, – говорит он.

«Какой ещё дом? – думаю я. – И никакая я вам не Хиллари».

– Но это крайне важно – обсудить кое-какие нюансы, – продолжает доктор, – Хиллари многое пережила, и сейчас ей необходима поддержка.

– А что вообще произошло? – спрашивает бабушка, ласково берёт меня за руку, – всё, что мы знаем о прошлых выходных, – из новостей по телевизору, а потом во вторник нам позвонили из полиции и сообщили, что мой сын и его семья...

– Хиллари, ты готова говорить о том, что произошло с тобой? – спрашивает доктор Снид. Я выдёргиваю свою руку из бабушкиной и плотнее заворачиваюсь в моё одеяло.

– Пока Хиллари не смогла объяснить никому, что с ней случилось, – вздыхает доктор Снид, – но я уверен: она откроется со временем.

– Где вы её нашли? – спрашивает бабушка.

– Полиция обнаружила её недалеко от дороги номер 22, в Хендерсоне, – говорит доктор Снид, – мы предполагаем, что она находилась там с воскресенья, потому что на ней было белое платье.

– Почему белое платье говорит о том, что она была там с воскресенья? – спрашивает дедушка.

– Потому, что её родители были православные, – говорит доктор Снид, – это в их традиции – одеваться в белое на Пасху, а их Пасха как раз была в прошлое воскресенье.

– Я так и знал, что этот оккультизм доведёт Алекса до беды, – говорит дедушка, качая головой, – я говорил ему это миллион раз, а он так и не послушал меня.

Я еле-еле слышу дедушку, меня больше занимает доктор Снид, – откуда он всё это знает?

– Я вижу, что вас не интересует религия, мистер Мэфьюз, – говорит доктор Снид.

– Ну, раньше интересовала немного, – говорит дедушка, – мы с Глэдис ходили в церковь какое-то время, но мне надоело выслушивать все их проповеди, надоело, что они всегда решают за меня, как мне жить и что делать, и при этом ещё и вечно выпрашивают деньги. Моя жизнь – моё личное дело.

Доктор Снид понимающе кивает.

– Да уж, очень типично для этих христиан, особенно для православных. Вечно осуждают и критикуют других, отказывают в венчании тем, кто, по их мнению, этого недостоин, отрицают права женщин, проклиная людей, избравших иной путь в жизни... неудивительно, что они сами нажили себе столько врагов.

– Но всё это уже позади, да? – с беспокойством в голосе спрашивает бабушка. – Ефф... я имею в виду Хиллари будет теперь в безопасности, с нами?

– Абсолютно. Все эти изменения и эффективные действия предпринимаются как раз для обеспечения полной безопасности, – говорит доктор Снид, – массовая секуляризация наконец завершена, окончена, позади осталась эпоха противоречий и жестокости. Конечно, правительству понадобится некоторое время для внедрения таких перемен в обществе, и, к сожалению, без подобных трагедий нам не обойтись.

Я так устала, что даже не понимаю, о чём они говорят. Какая массовая секуляризация? Он что, говорит, что мои родители сами виноваты, что их убили?

– А почему правительство потребовало закрытия всех церквей? – спрашивает бабушка. – Некоторые люди говорят, что у нас теперь антихристианское правительство.

– Мы не «анти» ни в каком смысле, – говорит доктор Снид, – люди по-прежнему вольны верить во всё, что им вздумается. Но религия будет глубоко личным делом каждого. Только в том случае, когда определённая группа людей пытается навязывать свои религиозные воззрения другим, – вот тогда происходят трагедии. Вспомните крестоносцев.

«Почему же тогда полиция сожгла наш храм? – думаю я. – Если правительство не антихристианское, то почему они заставляют меня отказаться от имени?»

– Новая система будет основана на толерантности и принятии, – все говорит и говорит доктор Снид. – Конечно, это ужасно, что столько людей погибло на Пасху. Жизни отдельных людей – это огромная потеря. Но Православие само по себе? Это какой-то союз экстремистов, проклиняющих всё и вся в мире. Думаю, наше общество станет гораздо лучше без них. И

Хиллари, я знаю, это тяжело слышать сейчас, но я считаю, что и тебе лично будет гораздо лучше без всего этого.

Я даже не знаю, что можно возразить человеку, который прямо сейчас говорит мне, что вообще-то для меня гораздо лучше, что вся моя семья погибла и что весь мой мир – семья, церковь, близкие – разрушен. Я просто молча разглядываю свои босые ноги, и мне очень хочется, чтобы кто-нибудь дал мне любые носки и туфли. И чтобы просто оставили меня в покое.

Доктор Снид даёт бабушке и дедушке свою визитку, а его секретарь записывает меня на первый приём.

– Увидимся через неделю, Хиллари, – говорит он, похлопывая меня по плечу, – может быть, мы поговорим о том, что с тобой произошло, поподробнее? Я помогу тебе преодолеть твою замкнутость.

Я передёргиваю плечами.

Я ни с кем не хочу разговаривать.

И я не Хиллари.

Я иду следом за бабушкой и дедушкой к машине. Они говорят о моей новой комнате, о том, что теперь у меня будет своя собственная комната, и я смогу украсить её по своему усмотрению. Я не хочу плакать перед ними, но я плачу. В их машине странный запах, она слишком чистая. И в ней нет сиденья для Кейт.

Мы очень долго едем в мой новый дом.

12 декабря 0000. Э. Т.

Мими стоит в глубине нон-фикшен-секции, водит пальцем по корешкам книг и шепчет что-то сама себе.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

Она касается пальцем страницы, и я жду, когда он добежит до самого края. Потом она вздыхает и записывает что-то на бумажку.

– Прочитываю полки, – наконец говорит она.

– А что это значит?

– Я проверяю: все ли книги стоят в правильном порядке. Прочитываю номера и буквы, написанные на их корешках.

– Ух ты, – говорю я. Подхожу ближе и рассматриваю книги.

– А почему здесь 515.1244 стоит перед 515.13? – спрашиваю я. – Разве меньший номер не должен стоять перед большим?

– Дело в том, что десятые, после запятой, на самом деле меньше, – говорит Мими, – то есть 515.1244 – это меньшее число.

– А, ясно. С математикой у меня не очень.

– Ты в каком классе? Вы ещё не изучали десятичные дроби? – спрашивает Мими.

– Я в седьмом классе. Да, мы изучали, но я в последнее время как-то не очень быстро соображаю.

– И я тоже. Поэтому чтение полков – это такая головная боль!

Я невольно морщусь.

– Я даже не думала, что математика может понадобиться библиотекарю.

Похоже, карьера библиотекаря мне не грозит.

– К сожалению, математика нужна практически везде, – говорит Мими, – именно для таких случаев человечество изобрело кофе.

– Вообще-то я не очень люблю кофе.

– Я его тоже не любила в твоём возрасте. А потом со мной случился университет.

Я смеюсь.

– Моя мама пила столько кофе! Наверное, пять или шесть кружек в день. И ещё, она приготовит себе кофе, но забудет его где-нибудь, так, что мы постоянно находим полупустые кружки по всему дому, – то на книжной полке, то в ванной...

Мими тоже хохочет.

– О, вот такого со мной ещё не было. И воскресное утро было таким сложным без кофе... – Она резко прерывает себя, и мы смотрим друг на друга, смотрим, как с наших лиц медленно сползают улыбки.

Я вспоминаю о книге, которую всё ещё держу в руках.

– Кстати, я прочитала «Не молчи».

Мими берёт книгу, открывает книгу, вдыхает запах страниц. Это немного странно, хотя, наверное, нормально для библиотекаря.

– Ну, и как тебе?

– Очень интересно. Это более жизненно, чем «Даритель». Мне очень понравилась Мелинда. Мне показалось, что она похожа на меня.

Мими приподнимает юбку и садится прямо на пол. Я сажусь рядом.

– Мы все проходим через испытания в жизни, и нам нужно научиться мужественно переносить их, – тихо говорит она.

– Да, я всё время думаю об этом, о моих родителях и о Кейт – это моя сестра. Ей было всего шесть лет, когда она умерла.

– На Пасху? – тихо спрашивает Мими.

Я киваю. Моё сердце начинает биться сильнее. Я никому не говорила о том, что случилось. Могу ли я ей доверять? Она ведь никому не скажет?

– Я всё время скучаю по Алексу, – говорит она так тихо, что я с трудом различаю слова.

– Алекс – это кто? – спрашиваю я.

Интересно, знал ли он моего папу?

Она крутит кольцо на пальце.

– Мой муж. Я вспоминаю вечер, когда он сделал мне предложение... это было в пятницу, так что мы даже не могли сходить в ресторан, отметить это событие, так что мы приготовили бутерброды с арахисовой пастой и джемом и устроили пикник прямо на полу, в его квартире.

Я вижу улыбку на её губах. Но это такая улыбка, когда непонятно – улыбаешься ли ты или вот-вот заплачешь. И радость, и грусть одновременно.

– Ты же никому не расскажешь? – спрашивает она.

Я отрицательно качаю головой.

– Спасибо.

Наверное, это очень страшно – открыть ребёнку секрет, за который тебя могут убить.

– А как ты поняла, что я православная? – спрашиваю я.

– Когда ты приходила сюда раньше, со своими родителями, у тебя на шее был крестик с тремя перекладинами, – говорит она. – И ещё, несколько месяцев назад я видела, что ты перекрестилась, когда переходила из центрального отделения в детскую секцию.

– Ой, а я даже не заметила, что я это сделала.

– Обычно ты не крестишься, – говорит Мими, – мне кажется, ты думала о церкви в этот момент. К тому же детская секция действительно напоминает алтарь с маленькими ступеньками, как у амвона.

– А я поняла, что ты православная, потому что носишь обручальное кольцо на правой руке. И раньше тебя звали Мэри, хотя это, конечно, ничего не доказывает.

Мими близко наклоняется ко мне.

– Я открою тебе ещё больший секрет, – шепчет она, – я и сейчас православная, и меня по-прежнему зовут Мэри. И знаешь, это имя у меня навсегда.

– Моё имя поменяли на Хиллари, раньше я была Ефросиньей.

- Так твой святой – преподобный Ефросиний Палестинский, повар?
- Да, это был мой небесный покровитель.
- Он и сейчас твой небесный покровитель, – шепчет Мими.
- И даже если у меня теперь другое имя?
- Они не могут отнять имя, которое дал тебе Бог, – говорит Мими, – а, кстати, знаешь, что самое смешное?
- Что?
- Хиллари – это ведь тоже православное имя, – говорит Мими со смехом, – и Мими – это сокращённо от Мириам, просто другая форма имени Мария. А Хиллари – это Илларион. Просто кто-то не очень глубоко изучил эту тему.

13 декабря 0000. Э.Т.

Уже холодно, но нас всё равно заставляют есть свой обед на площадке для пикника. Все дети в куртках, и почти все девочки надели новые модные шарфы из фланели, которые застёгиваются на пуговицу на шее. Я вижу, как у меня выходит пар изо рта, и я тут же вспоминаю Кейт, которая всегда представляла себе, будто она – дракон. Правда, очень красивый дракон. Такой, с фиолетовой чешуёй.

Большинство ребят уже поели и стоят группками, разговаривают, подпрыгивают, чтобы согреться.

Я хожу по краю площадки, вдоль забора, по деревянной кромке, которая удерживает камешки внутри дорожек. И просто думаю о разных вещах и о том, как мне не хочется видеть доктора Снида.

«...Он летел по небу, людям песню пел...»

Я замираю на месте, покачиваясь на досточке. Девочка, которую зовут Бостон, стоит, опершись на стену, и напевает сама себе, глядя в свой телефон.

«Вы, люди, ликуйте, все днесь, торжествуйте...»

Она очень увлечена чем-то в телефоне, и мне кажется, она даже не замечает, что поёт.

«Днесь Христово Рождество!»

Мисс Линда появляется в дверях с другой стороны от столов для пикника и, прищурив глаза, медленно обводит всех изучающим взглядом. Я молюсь, чтобы Бостон перестала петь.

Она набирает какой-то текст на телефоне и продолжает напевать.

«Пастыри в пещеру первые пришли и Младенца Бога...»

– Ой, Хиллари, ты что, с ума сошла? Больно же! Я всё расскажу мисс Линде!

Я медленно высыпала сквозь пальцы вторую порцию камешков.

– Мисс Линда! Хиллари Мэфьюз бросается камнями!

Мисс Линда подходит к нам, пробираясь между бегающими мальчишками.

– Что? Хиллари, это правда?

– Я просто пошутила, – говорю я.

– Ничего себе, ты мне попала в лицо! – кричит Бостон, потирая красное пятнышко на щеке. – Я вообще ей не мешала!

– Хиллари! Швыряться камнями – это неприемлемо! Ты же можешь сильно кого-то поранить!

Я внимательно разглядываю землю под ногами.

– Извините.

– Мне придётся отправить тебя к директору. Следуй за мной, пожалуйста, – говорит мисс Линда.

Я иду за ней до калитки, под взглядами всех остальных детей. Я ещё ни разу не попадала в такую историю. Меня ещё ни разу не вызывали к директору. Мои глаза наполняются слезами.

Конечно, они всё расскажут доктору Сниду.

14 декабря 0000. Э.Т.

– Ну что, не самая лучшая неделя для тебя, да?

Они конечно же всё рассказали. Я пожимаю плечами, а доктор Снид просматривает мой файл.

– Всё равно получаешь пятёрки с плюсом. Даже за контрольную по математике. Хорошо.

Он кладёт лист в стопку бумаг и откладывает их в сторону. Потом он наклоняется вперёд, так, что касается локтями своих коленей. Внимательно смотрит на меня сквозь свои очки для чтения.

– Давай поговорим о том, как ты себя чувствуешь.

«Давайте лучше не будем», – думаю я.

– Не знаю, – это я произношу вслух.

– У тебя очень выразительное лицо, Хиллари. Когда ты злишься – это очень легко понять.

– Я не злюсь.

Он кивает головой.

– Тебе совершенно не стоит притворяться передо мной. Ты можешь быть абсолютно откровенна. Что тебя беспокоит?

– Я не знаю.

Я вижу, как у него напрягаются скулы. Его сильно раздражает, когда я это говорю. Я тоже легко его понимаю.

– Хиллари, зачем ты бросила камни в Бостон? – спрашивает он.

Я смотрю на свои руки. И тут я замечаю, что опять дёргаю себя за пальцы, тогда я сажусь на свои ладони.

– Она сказала что-то обидное? Что-то о твоём прошлом?

– Нет.

– Но что-то тебя раздражало в ней. Я никогда не слышал, чтобы ты кого-то ударила.

Самое неприятное в докторе Сниде то, что он говорит так уверенно, как будто он действительно тебя хорошо знает. Будто он твой закадычный друг, только гораздо умнее тебя, ты ведь всё равно не можешь выйти из его кабинета.

– Я не знаю.

Доктор Снид вздыхает. Он усаживается поудобнее и явно бессознательно приглаживает свои гелевые волосы. Они издают странный звук, похожий на шуршание листьев под ногами. Пару минут мы сидим в тишине, слушаем «белый шум». Это ещё одна из его штучек – он старается доставить мне как можно больше дискомфорта, в надежде, что я проговорюсь. Но я разгадала его. Я отключаю свои мысли ровно до того момента, пока он сам не задаст мне вопрос.

– Я представляю себе, наверное, сейчас для тебя непростое время, – наконец произносит он.

Поскольку я ничего не отвечаю, он продолжает:

– Праздники – это всегда подарки и семья, естественно, что тебе сейчас трудно. Тем более что это первый праздник с тех пор, как твои родители умерли.

Я не буду плакать. Я не буду.

– Это совершенно естественно, – мягко говорит он, – испытывать злость и раздражение. По отношению к родителям. По отношению к бабушке и дедушке. По отношению к Православию.

– Я не злюсь, – говорю я.

Доктор Снид делает вид, что не слышит меня.

– Когда я был маленьким мальчиком, – продолжает он, – я довольно долго верил в Санта-Клауса. Гораздо дольше, чем другие дети. Зимние праздники, или Рождество, как мы это называем,

вали раньше, были моими любимыми, из-за всего этого волшебства и магии. Но однажды я поймал моих родителей за тем, что они складывали подарки в мой праздничный носок. Я был очень зол. Злился, прямо как ты сейчас.

– Я не злюсь, – повторяю я.

– Потому, что всё это время они врили мне, – продолжает он, – всё это было подделкой. Волшебство исчезло.

Я вдруг вспоминаю свои туфли у дверей в день святителя Николая.

– Но знаешь что? – говорит доктор Снид. – Я понял, что всё-таки настоящее волшебство было в моей семье, но заключалось оно в том, что мы просто праздновали вместе. А игра в Санта-Клауса... – Мои родители таким образом хотели показать свою любовь ко мне. Традиция, которой придерживались твои родители – Православие, Рождество, Санта-Клаус, – так люди могли выразить свою радость от того, что они вместе. Но не было ничего такого, что делало эти праздники волшебными. Просто время, проведённое с семьёй, – и есть настоящее волшебство.

То, что он говорит, кажется почти правильным. По-моему, я запуталась.

– Тебе не обязательно злиться, Хиллари, – говорит доктор Снид, – теперь ты знаешь, что твои родители не были идеальными. Они учили тебя неправильным вещам. Самое главное – не их представления о мире, но их любовь к тебе. Ты можешь быть не согласна с ними, но с уважением относиться к их памяти.

«Но я хочу, чтобы оно было правдой, – думаю я, – я хочу настоящего волшебства. И хочу, чтобы оно имело значение».

– Какие у тебя планы на эти Зимние Праздники? – спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

– Я думаю, что мы просто останемся дома, дядя Роберт и тётя Синди, наверное, приедут в гости. И мы нарядим ёлку в субботу.

Доктор Снид записывает что-то на стикере.

– Твой дядя Роберт – брат твоего отца?

– Да.

– И его дочь – это та девочка, которая гостила у вас на Пасху?

– Да, Оливия.

– Но они ведь не православные?

– Нет, они не ходили в храм, но иногда Оливия бывала с нами на службе.

– И ты не видела их с тех пор, как умерла Оливия?

– Не видела.

Они живут в получасе езды от дедушки и бабушки, но они никогда не приезжают в гости. Наверное, чтобы не встречаться со мной. В нашей детской было две кровати и две девочки. Никто не пошёл искать меня под маминной и папиной кроватью, потому что никто не знал, что в доме в ту ночь было трое детей.

– Ты волнуешься перед встречей с ними?

– Ну, да... – говорю я.

– Может быть, мы немного поговорим именно об этом на следующей неделе. Напомни мне, пожалуйста, хорошо?

– Хорошо.

Он встаёт и открывает передо мной дверь. Мы проходим коридор, выходим в холл, где сидит бабушка и смотрит в журнале рецепты пирогов.

– Как прошла твоя беседа, всё хорошо? – спрашивает она с улыбкой.

– Отлично, – говорит мистер Снид, похлопывая меня по плечу.

Я вся сжимаюсь.

– А нам ещё нужно заехать в магазин, купить поздравительные открытки, – говорит бабушка, – хочешь, мы купим замороженную пиццу на ужин?

– М-м-м, пицца, – говорит мистер Снид, – я по-настоящему тебе завидую!

Они ещё несколько минут о чём-то болтают, смеются, пока бабушка складывает свои вещи в сумочку. Затем доктор Снид возвращается в свой кабинет, а мы с бабушкой наконец уходим.

Воздух кажется пронзительно холодным и после душного холла, где я страдаю от клаустрофобии. Я делаю глубокий вздох и расправляю плечи. В сгущающейся темноте праздничные украшения начинают мигать буквально на каждом столбе. Тут и праздничные ёлки, и снежинки, и олени. А на одном столбе, у самого поворота – звезда. В моё сознание медленно всплывает воспоминание: мамин голос и мой... сливаются вместе.

*Дева днесь Пресущественнаго раждает,
И земля вертеп Неприступному приносит;
Ангели с пастырьми славословят,
Волсви же со звездою путешествуют,
Нас бо ради родися...*

Растёт ощущение чуда.

...Отроча младо, Превечный Бог!

Я стою у машины, смотрю, как настоящие звёзды появляются в тёмно-синей ночи, прямо надо мной.

Если это всё неправда, – почему они прилагают столько усилий для того, чтобы я всё забыла?

15 декабря 0000. Э. Т. 20:13

После того как я заканчиваю свою домашку по математике, я поднимаюсь наверх, в мою комнату, и ложусь на кровать. Только здесь я могу успокоиться и перестать обижаться на все свалившиеся на меня обстоятельства. Мои часы громко тикают.

Иметь часы – это гораздо лучше, чем иметь психотерапевта. По крайней мере, такого, как доктор Снид. Может быть, где-нибудь и есть хорошие психотерапевты, но мне больше нравятся мои часы: они не задают неудобные вопросы, не заставляют разговаривать. Они просто спокойно тикают. Они никогда не расстраиваются, как бабушка, и не хитрят, как мисс Линда.

Я думаю о том, что, если у меня когда-нибудь будет свой собственный дом, я повешу часы во всех комнатах, чтобы у меня всегда был приятный собеседник, куда бы я ни пошла. У меня будут большие полки, заполненные только моими любимыми книжками. И я буду приглашать в гости только Мими и бабушку. И ещё в моём доме можно будет произносить любые слова, всё, что тебе захочется, например «Рождество» или «Бог», и ничего плохого с тобой не случится.

А ещё там не будет математики.

16 декабря 0000. Э. Т. 3:47

– Хиллари! Проснись! Хилли-Билли! – Кто-то трясёт меня за плечо.

Кто-то, кто пахнет фланелью и одеколоном «Old Spice». Дедушка. Что случилось? Ещё темно. Я, кажется, что-то говорила, но сейчас не могу вспомнить, что именно.

– Ты опять разговариваешь во сне, – говорит дедушка, – ты опять разбудила бабушку!

– А сколько времени? – сонно спрашиваю я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.